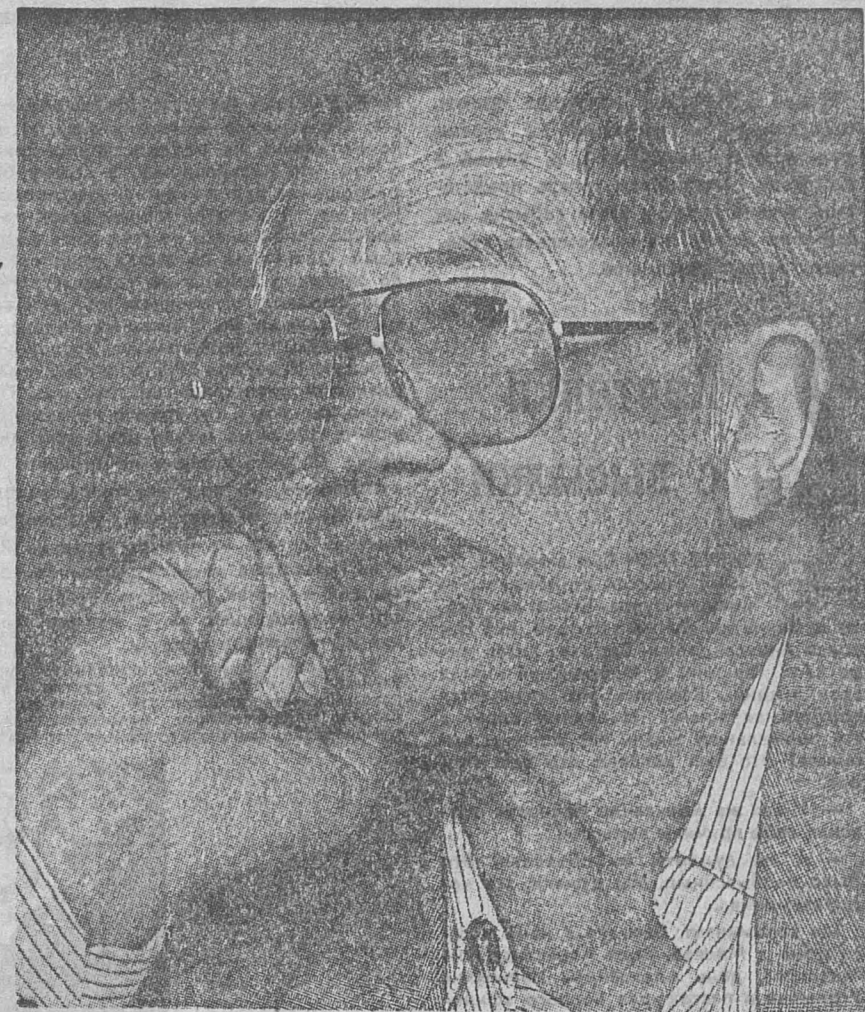

Георгий Владимов:

«Я бы хотел сейчас быть рядом с соотечественниками»

Владимов Г.Г.

В.В. 80

ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ С ГЕОРГИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ВЛАДИМОВЫМ В ЛЕНИНГРАДЕ. ЭТО ПЕРВЫЙ ПРЕЗД АВТОРА РОМАНА «ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ», ПОВЕСТИ «ВОЛШЬЯ РУКА» И «ВЕРНЫЙ РУСЛАН» НА РОДИНУ, КОТОРУЮ ОН ВЫЖИЛ. БЫЛ ПОКИНУТ В 1983 ГОДУ. ПРИЗНАЮСЬ, У МЕНЯ НЕ БЫЛО УВЕРЕННОСТИ, ПОЙДЕТ ЛИ ПИСАТЕЛЬ НА БЕСЕДУ С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ, В КОТОРОЙ ОН КОГДА-ТО РАБОТАЛ И К КОТОРОЙ ВРАВЕ ИМЕТЬ НЕКОТОРЫЕ ПРЕТЕНЗИИ. ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ТРИ ГОДА НАЗАД (ЧИТАТЕЛИ, НАВЕРНОЕ, ЭТО ПОМНЯТ) В «ЛГ» БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ ДВЕ СТАТЬИ Б. ИВАНОВА* О ПОЯВЛЕНИИ КОТОРЫХ ВСЕ МЫ В РЕДАКЦИИ СОМНЕВАЛИСЬ. АВТОР С ПРИСТРАСТНЫМИ ПОЗИЦИЯМИ «РАЗБИРАЛ» ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УХОДА Г. ВЛАДИМОВА С ПОСТА РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ГРАНИ» И ЕГО РАЗРЫВА С НТС. СОБСТВЕННО, С ЭТОГО И НАЧАЛАСЬ НАША БЕСЕДА С ГЕОРГИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ.

— Да, пожалуй, эту ситуацию нельзя обойти. Я думаю, что когда газета, основанная при участии Пушкина, печатает отрывки из писем, захваченных при обыске, то это торжество Бенкендорфа. Даже хуже — Александр Христофорович не лез оценивать творчество писателя. А в этих статьях была оценка: «...две книги, как говорится, не хуже других...». Кто дал Б. Иванову такое право и кто он в конце концов — чекист, критик?

Знаю, что статьи многих удивили — и здесь, и в эмиграции. Потому что наступил уже какой-то другой период — перестройка, движение к гласности. Пресса стала теплеть к эмигрантам, а тут вдруг такой выворот злого яда...

Цель была двойная — дезавуировать меня и поспорить нас с Владимиром Максимовым, уже после того, как мы выяснили все наши недоразумения. А они у нас были, и, наверное, не могло не быть недоразумений у двух писателей, один из которых остается в России, а другой выбирает эмиграцию. К счастью, Максимов все покаял и повел себя очень благородно в этой ситуации — живо откликнулся в газете «Русская мысль», сказал, что незачем соварь в наши дела.

Впрочем, что-то мне даже понравилось в тех публикациях. В первой статье написано, что я — битая карта. Казалось бы, естественно больше не возвращаться к теме, а — возвратились, дали вторую статью. Максимов на это сказал: значит, есть какой-то еще потенциал, который надо добить. Ну, всё, всё с этим...

— Георгий Николаевич, в «Знамени» объявлен к публикации ваш роман «Генерал и его армия». Кто же этот генерал — Власов?

— Это кем-то легенда была пушена, что я пишу роман о генерале Власове, а мне из-за этого приходилось (до отъезда, разумеется) таиться, перепрыгивать рукописи... У меня есть генерал Власов — в одном эпизоде, который и был опубликован недавно в «Московских новостях».

А в основном это история одного командарма, который захватил плацдарм на правом берегу Днепра. Прототип реален, но в романе лишь его контуры, и в конце концов эта фигура у меня вымыслена. Ну, скажем, под Москвой этот человек не воевал, мой генерал — воюет. Начал роман я здесь. Он возник у меня из рассказа, который я когда-то предложил «Новому миру».

Дело в том, что я в юности написал две книги за генералов. Тогда возникла такая серия — «Военные мемуары», и всем генералам предлагали высказаться. Но так как они обычно плохо вращаются пером, к ним приставляли литературных костоправов, в основном молодых критиков, журналистов, начинающих прозаиков. Мне досталось написать две книжки, одну — за генерала Севастьянова, который как раз воевал на Днепре. В книгу не вошло так много интересного материала, что и на три романа бы хватило.

Ну вот, я написал рассказ и принес его Твардовскому. Он рассказ «забодал», но сказал, что тема интересна и можно бы ее развить — в повесть или небольшой роман. А пока это довольно поверхностно и, как он сказал, «мало жизненной соли». Напоминает западную новеллу, а наша литература о войне имеет свои традиции, и она должна быть наполнена густым реализмом, деталями, подробностями — не случайно же у нас о войне пишут люди, хлебнувшие окопного быта.

Как вы смотрите на это довольно редкое явление — писателя-фронтовика и людям не воевавшим, но берущим писать о войне?

— Сейчас настало время, когда пришли другие писательские поколения. Многие остались недосказанным о прошедшей войне и не будет уже, я думаю, досказано людьми воевавшими. Так что приходится следовать за ними писать об этом. Но, конечно, изучать предмет нужно досконально. Главы из романа, которые публиковались в «Континенте» и в «Граних», читали люди, знавшие войну и писавшие о ней, — например, Виктор Некрасов одобрил и даже сказал, что какие-то интересные вещи там для себя нашел.

Наша литература очень подробно и хорошо представляла войну солдатскую, войну офицерскую, а вот войну генеральскую — не столь уж полно. Когда я работал с моими генералами, я увидел, что представляла собой их война — такие эмоции, такие подспудные течения, такие обилие всевозможных интриг... А в особенности если призом был Киев, за который командующего армией ожидал просто звездный дождь на погоны и на грудь...

Окопного быта я почти не касался — действительно, есть вещи, ко-

торые надо самому испытать. А вот то, что происходит в ходе подготовки какой-то операции, — это интересно, часто бывает детективно, и это, во всяком случае, поддается изображению.

— Вы уже передали роман в журнал?

— Нет. Хотя он в принципе закончен, но есть вещи, которые нуждаются в очень большой точности формулировок. Скажем, я вот говорил о Власове. Я же его недаром вставил. В романе есть еще и тема тех людей, которые оказались по ту сторону и надели мундир врага, повернули оружие против своих. Впервые серьезно нашим войскам пришлось встретиться с ними там, на Днепре. И генерал, который знает, что ему противостоят соотечественники, много размышляет об этом — не гривально, не в духе тогдашней пропаганды. Он видит большую человеческую трагедию. И эта тема, конечно, нуждается в скрупулезной точности письма, тем более что она осталась больной и нераскрытой в нашей литературе.

— Но совершенствовать можно до бесконечности...

— Ну что ж, пока у меня самого нет убеждения, что работа закончена,

ва — вон сколько, оказывается, можно было еще продержаться. Хотя это была уже не жизнь — с обысками, с вызовами на допросы, со слезкой, с подслушиванием телефона, с отключением его.

— Говорят, что вы в этих условиях и не старались избежать танго к вам «внимания», а, напротив, ничего не скрывали, копии писем хранили в столе, а не закапывали в землю...

— Вся переписка с моими издателями действительно лежала на полке в книжном шкафу, и я не видел в этих письмах ничего криминального. Если бы у меня было другое издательство, скажем, «Современник» или «Советский писатель», а я бы жил в другом городе, точно так же я бы переписывался с ними. Но что поделал, в то время «Посев» оказался единственным издательством, на которое я мог рассчитывать, никто другой не мог опубликовать «Верного Руслана», а они это мне предложили.

Я знал, конечно, что за «Посевом» стоит партия, и неприятная, — НТС, но я не знал, что она уж так накладывает лапу на процесс книго- и журналоиздания. А оказалось, что там застой еще похуже брежневского. Со своим культом личности, со своими представлениями, что можно печатать, что нельзя, что нужно для России, что не нужно. Представления же — старые, примитивные стереотипы, и переубедить этих замшелых стариков невозможно. Так возник у меня с ними конфликт, пришлось оставить журнал, который я хотел делать, чтобы объединить силы третьей волны, чтобы не дать пропасть талантливым людям. Нескольких интересных имен «проклонилось» именно в эмиграции. Скажем, Сергей Довлатов: здесь был журналист, а стал писателем, рассказчиком. Или — Сергей Юрьенев, Юрий Милославский, Эдуард Лимонов, Дмитрий Савицкий. Я понял, что если бы был журнал, который заявил бы высокие критерии, то и литература стала бы подтягиваться до этих критериев. Я это не открыл в эмиграции, а увидел на примере Твардовского. Он задал какой-то критерий, поднял планку, и когда есть такая планка, это очень действует психологически на писателя, хочется соответствовать уровню. И я смею думать, что лучшие свои рассказы Сергей Довлатов написал, когда я обратился к нему с предложением печататься в «Граних».

Но, находясь под давлением партии, да еще имеющей свои представления, что нужно для России, было опрометчиво браться за создание такого журнала, и дело не могло не кончиться конфликтом.

Любопытно, что меня тогда поддерживало много людей в зарубежье — 65 человек выступили с письмом против НТС. Аксенов, Владимир Максимов, Бродский, Буковский, Галина Вишневская, Андрей Тарковский, который вообще никогда

писем не подписывал, Виктор Некрасов, Юрий Любимов, Лев Копелев, Михаил Шемякин, Эрнст Неизвестный — самые уважаемые люди, цвет эмиграции, и было тем более странно, что как бы в защиту НТС выступает «Литературная газета».

— Георгий Николаевич, занимает вот такой сюжет из нашей жизни. Он связан с Леонидом Бородиным, который для читателя «проклонился», по вашему выражению, в последние годы. Но, оказывается, вы-то знали его давно, еще до эмиграции, и очень приятны и сегодняшнему знакомству читателей с новым автором.

— Не только знал, но могу теперь сознаться, что передавал его произведение на Запад, те, которые сейчас возвращаются. Оказалось потом, что я переслала их самому себе — две его вещи я напечатал в «Граних». Это роман «Другая жизнь» — Бородин не знал, что такая повесть есть у Трифонова, я ему сказал, он обещал подумать, но тут его арестовали, так что пришлось мне придумать название — «Расставание». Он с ним, видимо, согласился, потому что и здесь роман идет под этим названием.

И еще одна повесть была — «Правила игры», о лагере, я думаю, что она тоже будет опубликована.

— А как в то время вы нашли его или он вас?

— Когда в «Граних» был опубликован «Верный Руслан», в том же номере была его статья — о миссии русской интеллигенции. Потом мне привезли его повесть «Третья правда», он мне понравился как прозаик. Встретились мы на известном процессе Александра Гинзбурга. Поблизости сошлись, когда у меня был первый обыск — 5 февраля 1982 года, и они с женой приехали выразить сочувствие, привезли авоську апельсин. Ну, а после встречались довольно часто, вплоть до его ареста в том же году. У меня остались его рукописи, которые он мне приносил читать, и надо было спасти эти экземпляры, потому что у него все было конфисковано.

Ну, затем я издал его и даже написал предисловие к английскому переводу романа.

— Вы, значит, были его первой «пристанью»? Счастливо же он «пристал»!

— Не только я, принимала участие в его судьбе и Белла Ахмадулина. Он был тяжело болен, и она, насколько я знаю, хлопотала, чтобы его выпустили за границу вместо тюрьмы. И читала эти его вещи, ну и помогала мне их пересылать. Сейчас он, по моему, мечется, ищет, к какой группировке пристать. А ему не группировка нужна, не партия, ему нужен хороший редактор. Я ведь просто перелопатил, как говорится, его роман и повесть, он и сам чувствовал, что вещи не доработаны. По публикациям, например, в «Литературной газете» я вижу, что мою правку он принял.

— Как вы воспринимаете молодой авангард? Вы их знаете, читали? Скажем, В. Нарбикова, Виктора Ерофеева, П. Кожевникова...

— Читаю. Ну, вот Нарбикова. Она очень мастеровита, не по годам, но как мне представляется, она выпадает из русла русской литературы, которая всегда отличалась обостренной нравственностью.

Я, может быть, застарелый реалист и моралист, но мне важно нравственное содержание вещи. Я знаю, что эта позиция многими осуждается: на Западе и здесь сейчас модно говорить, что художник никому ничего не должен, а должен выражать только самого себя, идти туда, куда его влечет собственный гений, и так далее. Но я стою все-таки на той точке зрения, что литература есть одна из форм служения обществу, и ты обязан за свои слова, за все, тобой написанное, отвечать.

Мне кажется, что гораздо точнее в нравственных ощущениях С. Васненько, Т. Толстая, Л. Петрушевская. Хотя проза Петрушевской, может быть, излишне жестка. Вот, скажем, Вера Федоровна Панова умела обходиться без этих натуралистических подробностей, иногда весьма неприятных...

— Мне кажется, Георгий Николаевич, читатели вполне поймут ваши замечания о Петрушевской, Толстой, даже о Нарбиковой — она печатается, молодые ее читают. И гораздо менее знакомым может оказаться сегодня в этом ряду имя В. Пановой...

— Ну что же, ее совсем забыли? Я помню ее дебют с повестью «Спутники» и должен сказать: ни у одной из современных молодых писательниц такого дебюта нет. Вообще я даже могу немножко похвастаться, как входило в литературу мое поколение. Феликсом Кузнецовым названное «четвертым» (и им же наполнину загнанное в эмиграцию), — Аксенов, Максимов, Анатолий Кузнецов, ваш покорный слуга: такой был залповый выход в литературу — как корабли, слухенные со ступеней. Да, еще Василий Иванович Белов с его «Привычным делом».

— Почему же, на ваш взгляд, нынче дебюты менее значительны?

— Не скажу, конечно, что оскудела земля талантами, но они приходят в очень трудное время, они приходят, когда распалась связь между поколениями. Все-таки каждое литературное поколение должно что-то передавать следующему.

— Интересно, что вашему поколению передало поколение создателей «наваляров золотых звезд»?

— Нам передавали не они, а поколение Паустовского или Шолохова. К слову сказать, для меня несостоятельны споры вокруг его романа. Я читал книгу литературоведа Д. «Стремя Тихого Дона» и как юрист по образованию не могу признать, что он мне доказал, будто это не Шолохов.

Но вернусь к теме поколений. В сущности, «деревенщики» — тоже наше поколение, но вот то, что оно оказалось разделенным — мы были изгнаны, они остались, — не пошло на пользу ни тем, ни другим. Такие вынужденные разрывы производят с литературой. И следующим за нами нечего, оказалось, взять, они тоже были травмированы этим разделением. А наши литературные начальники думали, что этих можно выгнать, а следующих — «воспитать». Не получилось.

Сейчас я жду, что новый писатель явится из «афганцев». Они еще слишком молоды и угнетены своим участием в этой войне. Хемингуэй говорил, что писатель — это несчастное детство. Но тут, может быть, несчастная юность даст сильный толчок к писательству, подарит нам будущего Толстого. Вот появился Олег Ермаков со своими афганскими рассказами, нем-

ножко поменьше бы ему читать Ремарка и Хемингуэя, а довериться себе — и я думаю, мог бы получиться хороший писатель.

Что касается авангарда, то здесь я остаюсь гнусным реалистом школы «Нового мира». Я читал сборник «Зеркала». Понимаю, что нужно дать этим людям высказаться, но не понимаю и не люблю эту литературу. Когда описывается, как тупая струя бьет в фантовый унитаз, я не вижу за этим ничего, обогащающего литературу и привнесенного новым поколением. В сборнике был, кажется, один только рассказ, который читался, но он как раз — в реалистической манере. Время от времени для любителей авангарда надо такие книжки издавать, но в целом будущее всегда остается за реализмом. К нему всякий раз после всех отклонений в сторону, после всякого декаданса происходит покаянное возвращение.

Конечно, всем надоеет соцреализм. Но и авангард не спасение от него.

— Георгий Николаевич, при всем при том, что вы не отделяете себя от страны, что вы внимательно следите за литературным и общественным процессом, все-таки семь лет эмиграции — это семь лет иного образа жизни, иного уже хотя бы в бытовом отношении, и это не может не повлиять на человека. Насколько изменились вы в своих бывших представлениях, оценках, взглядах, чувствах?

— Многие оценки остались неизменными, некоторые подверглись пересмотру. Тут, безусловно, работает эффект «взгляда издали». Возникает возможность увидеть свою страну в ином ракурсе. Обнаруживаешь какие-то ценности, которых раньше не замечал. Большую эмоциональность, большую духовность, я ощутил, что это страна читателя, что у нас слово очень дорого стоит, что здесь литература, несмотря на то, что его могут довести до инфирата и до могилы, — это тем не менее как бы второе правительство, это тот, кого слушают. Бьют палками, но слушают. Западный писатель живет в комфорте, но...

Я встречался с Бёллем, самым, пожалуй, знаменитым немецким писателем, который как раз жаловался на то, что его плохо слышат. То есть его ценят, просят интервью, но куда это все идет, как-то не видно.

— Можно предположить, что вы не вросли в ту жизнь?

— Нет, не врос. Почти... да никак не участвую в жизни Германии: живу в маленьком городке недалеко от Висбадена, немецкий язык знаю ровно настолько, чтобы не пропасть с толку, то есть на бытовом уровне. Я визуально наблюдаю немцев, кое-что понимаю в их жизни, но не рассматриваю их как героев моих книг. Я не стал бы о них писать, но они помогают мне понять Россию и соотечественников — стал как-то больше нести их, нахожу в них больше привлекательных черт. Вижу резче и отрицательные черты: все-таки я живу среди очень работающего, делового народа, аккуратного, точного, старательного. Но одним сравнением обогатиться трудно, хотелось бы хоть время от времени видеть свою страну и свой народ вблизи.

— А хотели бы вы приехать сюда не на семь дней, а жить?

— В отличие от многих — да. Но ведь я, как и два с лишним десятка моих друзей, лишен гражданства, то есть отбываю наказание за такие действия, за которые сегодня выбирают в народные депутаты.

Я бы хотел сейчас быть рядом с соотечественниками. Но моя виза, как и семь лет назад, когда я выезжал в эмиграцию, заканчивается в полночь 26 мая.

Беседу провела Эльвина ШУТАЕВА

* Речь идет о статьях Б. Иванова «Отщепенцы начинают и проигрывают» (14 января 1987 г.) и «Еще раз об играх отщепенцев» (30 сентября 1987 г.).